

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О НИКОЛАЕ АЛЕКСЕЕВИЧЕ НЕКРАСОВЕ

После пятилетней совместной журнальной работы с Николаем Алексеевичем Некрасовым в "Современнике" мы расстались очень недружелюбно, да прямо-таки сказать, даже с враждебными чувствами, которые выразились с моей стороны в горячем и страстном полемическом нападении на него¹. В основе этой враждебности лежали, конечно, серьезные и общие причины; но в возбуждении и подкреплении ее участвовали также элементы не важные, временные, личные, излишняя горячность и жар увлечения. С тех пор прошло более 35 лет, и этого долгого времени было более чем достаточно для того, чтобы утишилась и исчезла всякая враждебность, особенно вызванная личными мотивами, чтобы улетучилось и забылось все мелкое, случайное, личное и чтобы поэтому выступило в надлежащем свете все существенное, общее и непреходящее. И вот теперь, когда я спокойно и объективно вспоминаю о Некрасове, рассматриваю его издали, на расстоянии, так сказать, исторического выстрела, то те черты его личности, которые когда-то казались недостатками, представляются теперь ничтожными и мелочными в сравнении с основными крупными и доминирующими чертами ее, точно это будто только родинки или пятнышки на красивом лице, которые нисколько не умаляют его красоты, - точно пыль на хорошем портрете, которая заметна только при близорукоем рассматривании и нимало не вредит достоинству портрета при надлежащей точке зрения на него. Рассматриваемая с исторической объективностью, в общем и целом, личность Некрасова является перед нами очень выдающеюся, мало того, очень замечательною, весьма крупною и чрезвычайно даровитою, не говоря уже о нем, как о поэте. <...>

Поэтические заслуги Некрасова общеизвестны и общепризнаны; но этого нельзя сказать, об его не менее значительных заслугах в области журналистики. Эти последние или упускаются из виду, или недостаточно ценятся. А между тем и они очень важны. Некрасов был идеальным редактором-издателем и довел свой журнал "Современник" до почти идеального совершенства. Конечно, в этом деле ему много помогли его сотрудники; но, во всяком случае, он был здесь инициатором и центром, окружившим себя такими сотрудниками. И честь выбора подходящих к его редакторским целям сотрудников всецело принадлежит ему. Что Некрасов привлек в свой журнал Белинского, это не было особой заслугой с его стороны и не служило доказательством его редакторской проницательности. Литературная репутация Белинского тогда уже прочно установилась в литературных кругах, общим голосом которых был признан его критический талант, и, таким образом, Некрасов следовал только общему голосу, приобретая Белинского для своего журнала. Если бы Некрасов предоставил свой журнал в распоряжение Чернышевского и Добролюбова уже после того, как они заявили себя такими дельными, серьезными и талантливыми журналистами и публицистами, то в этом также не было бы никакой заслуги. Но Некрасов привлек Чернышевского в "Современник" еще тогда, когда Чернышевский был просто скромным сотрудником в "Отечественных записках" Краевского, который не пускал его Дальше библиографии. Вне же журнальной сферы Чернышевский казался ученым неудачником, который позорно провалился со своей магистерской диссертацией "Эстетические отношения искусства к действительности" и не получил искомой ученой степени². Но Некрасов не смутился этим; пригласивши в свой журнал и поближе узнавши этого ученого неудачника, он сразу оценил его и предоставил ему критический отдел в журнале. Добролюбов в глазах литераторов, сверстников и друзей Некрасова, был мальчишкой, не имевшим солидной подготовки и подкладки и умевшим скрывать отсутствие их заносчивостью и самоуверенностью. Но Некрасов тоже сразу оценил и этого мальчишку и своим опытным редакторским взглядом увидел в нем драгоценного сотрудника и принял его в состав редакции. Он сошелся и сблизился с Добролюбовым больше, чем с Чернышевским, и Добролюбов с своей стороны очень привязался к нему и подружился с ним. В одном из писем Добролюбова к Чернышевскому есть такое место: "А письмо его (Некрасова к Добролюбову) недоброе (уведомляло о болезни с предчувствием смерти)... Не дай бог никому получать такие записочки за границей от близких людей. Успокаивает меня только то, что вы ничего не говорите о его болезни. Но, пожалуйста, напишите мне в Одессу, что он и как. Ведь, кроме вас да его, у меня никого нет теперь в Петербурге. В некоторых отношениях он даже ближе ко мне"³. Общество этих двух сотрудников или, вернее, соредкторов было для Некрасова новой высшей школой, довершившей его самообразование, еще более расширившей его умственный кругозор и закрепившей то, что было приобретено им

в кружке Белинского. Много он мог вынести из общения с этими людьми, столь богатыми всякого рода новыми идеями и одушевленными энергией и энтузиазмом, особенно при его восприимчивости и чуткости ко всему разумному и доброму.

Предоставление этим двум новым сотрудникам решающего голоса в редакции журнала получает еще большую цену вследствие того, что оно потребовало от Некрасова значительного пожертвования личными расположениями и привязанностями, так как оно вызвало натянутые, а потом даже враждебные отношения между ним и его сверстниками и приятелями. Эти новые сотрудники не только относились к приятелям Некрасова, старым, заслуженным литераторам, без должного почтения и уважения, но еще позволяли себе поглядывать на них свысока, относиться к ним покровительственно, как относились в известном романе "дети" к "отцам", как Базаров - к родителям Аркадия и к его почтенному дядюшке. Некрасов же, невзирая на это, вполне подчинился влиянию новых сотрудников, плясал под их дудку, что, конечно, не могло не оскорблять его приятелей⁴. Некрасову, видимо, не хотелось прерывать всякие связи, а тем более враждовать с давнишними приятелями, и он всячески старался устроить между ними и новыми сотрудниками хоть какой-нибудь мир, хоть какой-нибудь *modus vivendi* {Форму отношений (*лат.*)}. Для этого он, между прочим, устраивал обеды, на которые приглашались обе враждующие стороны; тут бывали: Тургенев, Панаев, Гончаров, Григорович, Полонский, Анненков, Боткин, Островский и др. На некоторых из этих обедов случалось бывать и мне. Тут было очевидно, что сближение сторон невозможно, что примирение не клеится. Между сторонами не было согласия даже в гастрономическом отношении. Я был свидетелем такого случая. Хозяйкой на этих обедах была Панаева-Головачева. И вот на одном обеде она, обращаясь к Чернышевскому, сказала: "Я знаю ваши вкусы, Николай Гаврилович; у меня есть для вас ваши любимые кушанья, - щи да каша и хороший квас" Нужно было видеть, с какой миной и с каким обиженным видом литераторы-гастрономы посмотрели на этих плебейских любителей щей да каши, к которым была так любезно внимательна хозяйка. Вместо примирения получалось еще большее обострение отношений, и, наконец, дело дошло до того, что приятели Некрасова поставили ему ультиматум: выбирай, или *мы*, или *они*. Некрасов выбрал *они*, и давнишние приятельские отношения кончились полным враждебным разрывом. Мне известно, что уже после этого Некрасов писал Тургеневу дружеское письмо с целью примирения; но неизвестно, отвечал ли, или что отвечал Тургенев. Как бы то ни было, но примирения между ними не последовало. Впоследствии Тургенев печатно заявил, что не Некрасов отверг его, а он сам отшатнулся от Некрасова, несмотря на то, что последний писал ему заискивающие письма и говорил в них, что часто видит его во сне⁵.

Обзаведшись двумя надежными соредакторами, Некрасов не только не уменьшил и не ослабил своих редакторских работ и забот, но с большим увлечением весь отдался ведению журнала. Вместе с Добролюбовым они составляли программы книжек, придумывали темы для статей, разрабатывали разные журнальные проекты, комбинации и планы литературных нападений или отражения враждебных нападений. А между тем Некрасов в не литературной, но начальственной относительно литературы сфере распространял и поддерживал такое убеждение, что он не принимает никакого участия в редактировании журнала, что он интересуется журналом только с материальной стороны, что его сотрудники что хотят, то и делают, без его ведома и согласия. И такое убеждение действительно держалось в этих сферах. Одна особа сказала однажды Некрасову: "Мы знаем, что вы человек вполне благонадежный, что вы сами ни в чем не повинны, но что все, неодобрительное творит ваш главный штаб, и вся ваша вина только в том, что вы дали полную волю вашему штабу, вовсе не смотрите за ним; поэтому советую вам..." и т. д. Так мало осведомлена была особа об истинном положении дела: она не знала и не воображала, что в этом главном штабе почти главную роль играл именно сам. же Некрасов.

Я познакомился с Некрасовым в 1861 году, когда Добролюбов был за границей, и после того, как уже было помещено в "Современнике" несколько моих статей. Чернышевский передал мне, что Некрасов желает видеть меня, и при этом сказал, чтобы я как-нибудь отправился к нему, всего лучше пораньше утром. Я пришел к нему утром, в половине двенадцатого. Человек объявил мне, что Некрасов еще спит; но все-таки спросил мою фамилию и пошел доложить. Тотчас же он вернулся и повел меня к Некрасову, который принял меня в постели. Он встретил меня, как говорится, с распростертыми объятиями и с восклицаниями: "Ах, как я рад: уж давно хочю познакомиться с вами, а вы все не являетесь". Затем он начал говорить, что меня,

вероятно, удивляет и неприятно поражает то, что он до самого полудня валяется в постели. "Да, батенька, - сказал он, - вы бы еще больше удивились и осудили меня, если бы знали, что я не спал почти всю ночь и занимался такими некрасивыми делами, как картишки. Ничего не поделаешь, - такая уж у меня страсть". Перейдя к деловому разговору, он стал говорить о том, что о моих серьезных статьях он судить не может, но что Чернышевский их одобряет, и он с ним согласен; а ему самому больше нравятся некоторые мои напечатанные библиографические рецензии и нравятся, главным образом, своим игривым юмористическим тоном, который подходит к тону "Свистка"⁶ при "Современнике". "Без Добролюбова, - говорил он,-- мы никак не можем соорудить ни одного выпуска "Свистка"; вот бы вы попробовали помочь нам в этом многотрудном деле. Но его нужно сделать как следует, серьезно, а то Добролюбов рассердится и забранит нас: ведь вы знаете, какой он строгий и суровый!" Затем он распространился о том, что в "Свистке" необходимо строго выдерживать тот тон, который задан в нем Добролюбовым, то есть тон серьезный, важный, ученый, даже слегка педантичный, выражающий самоуверенность и гордое самомнение, а чтобы сатира, юмор и ирония заключались в самом содержании. - Мы с ним беседовали довольно долго, придумывали разные темы для "Свистка", остановившись на некоторых, и он поручил мне разработать их, причем несколько раз повторял, что "Свисток" дело серьезное и важное и что во многих случаях он может действовать сильнее, чем серьезные статьи "Современника". Некоторые мои обработки удовлетворили его, а другие он забраковал. Через несколько времени Некрасов отдал мне визит, чего я не желал, не ожидал, не предполагал и чем он только смутил и сконфузил меня, так как ему пришлось пробираться ко мне в трущобу, на четвертый этаж, в темном и смрадном коридоре, вследствие того, что в доме, где я жил, не было еще ватерклозетов, а существовали патриархальные русские устройства подобного рода в холодном коридоре. С течением времени я ближе познакомился с Некрасовым, встречаясь с ним у Чернышевского и иногда бывая у него на обедах. Он сразу очаровал меня простотою обращения, доходившею до фамильярности и панибратства, совершенно конфиденциальною откровенностью, неожиданною и даже изумительною между не особенно близкими людьми, и, наконец, искренними признаниями и строгим самообличением, обезоруживающим и сильно подкупающим в его пользу. Плетешься, бывало, по Невскому в скромном затрапезном облачении; вдруг Некрасов в коляске, на великолепной паре нагоняет меня и приглашает к себе в экипаж. "Я вас подвезу домой", - говорит он и затем начинает рассказывать, где он был, зачем сделал или сказал такую-то глупость и т. д. Разговор льется непринужденно, так, как будто это едут два равных пэра, а не то, что как было на деле, один - знаменитый писатель и важный барин, а другой - безвестный, скромный и невнушительный молодой человек, начинающий журналист.

Между тем наступили тревожные времена. Некрасов и Чернышевский с нетерпением ожидали возвращения Добролюбова из-за границы. Он возвратился, но не на радость: совсем больной, расстроенный, он спустя недолго умер⁷. Смерть его поразила и глубоко опечалила Некрасова, и он, лишившись помощника, еще с большим рвением занимался журналом. Но "Современник" должен был приостановиться на восемь месяцев. Некрасов упал духом и на лето 1862 года уехал из Петербурга с мыслью, что едва ли будет возможность продолжать издание журнала. В этой мысли должно было еще более укрепить его то обстоятельство, что в это время сошел с журнальной сцены и Чернышевский, его другой помощник, так что в редакции он оставался только один⁸. Вскоре после этого, еще до возвращения Некрасова в Петербург, до нас, второстепенных сотрудников "Современника", дошли неприятные вести, или слухи, исходившие, по-видимому, из самых достоверных источников. По этим слухам, Некрасов, в бытность свою проездом в Москве, уверял своих московских приятелей, что хотя ему и жаль Чернышевского, но он очень рад, что хоть таким неприятным путем избавился от него и от того ярма, в котором держал его Чернышевский, самовольно и самоуправно распоряжавшийся в журнале⁹. Этот слух сообщил мне Г. З. Елисейев и при этом высказал уверенность, что Некрасов если даже и будет продолжать издание "Современника", то в ином направлении и уж ни в каком случае не пригласит в журнал никого из своих бывших сотрудников. Поэтому он предложил мне принять участие в редактировании вместе с ним новой газеты "Очерки", которую решил издавать Очкин, бывший арендатор "С. -Петербургских ведомостей"¹⁰. Елисейев взял на себя общую редакцию газеты, а мне предоставил политический отдел в ней. В газетах появилось объявление о новой газете с именами Елисейева и моим. Это объявление очень смутило Некрасова, и по приезде в Петербург он тотчас же навел справку у

одного общего знакомого, почему мы с Елисеевым вступили в новую газету и разве мы не желаем больше сотрудничать в "Современнике". Этот знакомый сообщил ему, что наш поступок вызван слухами об его речах и жалобах в Москве в кругу его старинных приятелей. Некрасов энергично и решительно опровергал эти слухи и уверял, что все эти отречения его от Чернышевского и от направления "Современника" ложь и выдумка, что он не говорил приятелям ничего даже похожего, что он решил продолжать "Современник" в прежнем направлении и с прежними сотрудниками, и т. д. Затем Некрасов пригласил меня к себе и разговор начал с того, что объявление об "Очерках" поразило его точно обухом по лбу; затем он стал упрекать меня за то, что я мог поверить таким нелепыми слухам о нем, тогда как мне, более чем кому-либо другому, должны были быть известны те чувства искреннего расположения и глубокого уважения, какие он питал к Добролюбову и к Чернышевскому, так высоко поднявшим его журнал, и тогда как, с другой стороны, я должен знать и те чувства, какие питают к нему его бывшие приятели, которые готовы выдумать и распространять про него всякие нелепости, чтобы только отомстить ему за то, что он отверг их и стал на сторону тех людей, которые им антипатичны и т. д. Несколько раз и с особенной настойчивостью он уверял, что он твердо и бесповоротно решил продолжать "Современник" в прежнем направлении и, конечно, с прежними сотрудниками. Он говорил с таким жаром и таким чувством, что я поверил искренности его слов, и он взял с меня слово, что, несмотря на "Очерки", я буду по-прежнему деятельно сотрудничать в "Современнике" и уговорю Елисеева не оставлять сотрудничества в его журнале. В заключение он просил меня подумать о статьях для первой по возобновлении книжки "Современника", Таким образом, дело устроилось прекрасно, к общему удовольствию. Решено было вести "Современник" в прежнем направлении и с прежними сотрудниками. Организована была коллективная редакция с Некрасовым во главе, состоявшая из г. Пыпина, Елисеева и меня; впоследствии в состав ее вошли Салтыков и г. Ю. Г. Жуковский. Елисеев не хотел, однако, вполне отдаваться "Современнику" и, по прекращении недолго просуществовавших "Очерков", решился издавать на артельных началах и редактировать газету "Век"¹¹, тоже просуществовавшую недолго, после чего Елисеев уже вполне отдался "Современнику". В это время уже вследствие совместного ведения общего дела я еще больше сблизился с Некрасовым, еще более узнал и оценил его как редактора. Да, это был образцовый редактор: умный, дельный, энергичный, практический и усердный. Несмотря на все свои клубные и спортивные развлечения и увлечения, он зорко следил за своим журналом и ни в каком случае не полагался беззаботно и безотчетно на своих соредакторов; все статьи он внимательно прочитывал в корректурах, или же только пробежал статьи, если они были индифферентными, заурядными. Затем в нем не было мелкого редакторского самолюбия, или, лучше сказать, амбиции, развитой сильно, до болезненности у других редакторов и издателей, которых постоянно мучит опасение, как бы их не сочли только номинальными, фиктивными редакторами, которые дрожат при мысли, что кто-нибудь может подумать, что не одни они несут на своих гигантских плечах циклопическую тяжесть издания, но что им помогает, а может быть, даже и руководит ими обыкновенный смертный, простой сотрудник, и которые поэтому, к явному ущербу издания, суют свой нос всюду, даже туда, где они ничего не понимают, во все мешаются, не спрашивают и не слушают советов, действуют по-своему, упрямы без всякого резонного основания, а единственно из желания показать свою самостоятельность и заявить о своей независимости. Им и в голову не приходит, что вся эта боязливая и ревнивая забота о сохранении своей самостоятельности именно и производит то, чего они боятся, устанавливает то мнение о них, которое они хотят предупредить или разрушить. Некрасову было совершенно чуждо подобное самолюбие, подобная амбиция. Он предоставлял своим соредакторам полную свободу, нимало не стеснял их и не подавал решающего голоса в тех журнальных вопросах и делах, в которых он считал себя некомпетентным. Когда в таких сомнительных случаях обращались к нему за решением, он обыкновенно отвечал: "Делайте, господа, как сами знаете; только смотрите, хорошенько обсудите дело". И общему решению он подчинялся беспрекословно.

Был, например, такой случай. Давнишний приятель Некрасова, Я. П. Полонский, принес ему для помещения в "Современнике" свою драму "Разлад", сюжетом которой были, между прочим, сцены из польского восстания начала 60-х годов. Некрасов прочитал ее, одобрил и нашел, что ее можно напечатать в журнале, однако без согласия всей редакции не решался печатать и предлагал кому-нибудь из соредакторов прочитать драму и сказать свое мнение. Все отнекивались и почему-то взвалили это дело на меня. Некрасов прислал мне ее при следующей записке: "Пожалуйста, прочтите эту вещь поскорее (т. е. завтра, например, к обеду). Что до меня, то я такого мнения, что ее следует взять в "Современник": она эффектна, о ней

говорят и будут говорить, и относительно содержания (обстоятельство, по которому преимущественно я и препровождаю ее к вам) тоже, кажется, не представляется препятствия. - Но этот вопрос предоставляю окончательно решить вам"¹². Я, не полагаясь на себя, отправился к Елисееву, и мы вместе с ним прочли драму, нашли, что сцены изображены в ней очень односторонне и притом освещены каким-то странным, неестественным светом, что вообще она слаба и неудовлетворительна, особенно для такого автора, как Полонский, и что печатать ее в "Современнике" не стоит. Я отправился к Некрасову и решительно сказал, что, по моему мнению, драму печатать не следует. (Она была напечатана в "Эпохе" в No 4, 1864 г.) Он совершенно спокойно, без всякой обиды и без всякого самолюбивого неудовольствия, просто сказал: "А если вы находите, что ее не следует печатать, так и не напечатает; и я ее возвращу Полонскому"¹³. И больше ни слова; дальше пошли обыкновенные разговоры; мы вместе позавтракали и расстались самым мирным образом. Нужно при этом принять в соображение следующее. Редактор, и не какой-нибудь заурядный редактор, не Краевский или Дудышкин, не Корш или Благовосветов; а редактор Некрасов, поэт и специалист по изящной словесности, находит пьесу удовлетворительной и решается напечатать ее в своем журнале. И вдруг какой-то сотрудник, может быть, даже не компетентный, находит, что ее не следует печатать. И редактор беспрекословно подчиняется этому решению своего подручного и находит, что этим он не роняет своего редакторского достоинства и не обижает своего издательского самолюбия! Вот черта, которая редко встречается у редакторов и которая делает большую честь редакторской корректности и добросовестности Некрасова!

Но зато и сотрудники с своей стороны столь же просто, благодушно и внимательно относились к замечаниям, возражениям и протестам Некрасова, принимали их без всяких обид и самолюбивых неудовольствий и так же охотно подчинялись его решениям и уступали его настояниям в тех случаях, когда он был компетентен и прав. Но и в таких случаях он никогда не прибегал к своей редакторской власти, а действовал убеждением, урезониванием. Если он находил статью неудовлетворительной, неуместной или неловкою, то обыкновенно говорил автору: "Если вы настаиваете и непременно хотите напечатать статью, то я против этого ничего не имею, особенно, если вы подпишете ее полной фамилией; но вы примите в соображение, что скажут наши противники, что подумает публика, какие возможны перетолкования" и т. д. Слушаешь, бывало, такие резоны и возражения Некрасова, человека и редактора многоопытного, прекрасно знавшего и читателя, или, как он всегда выражался, *подписчика*, и литературных соперников, и преобладающую власть над печатью, - и невольно согласишься с ним, сдашься на его убеждения. Вследствие его резонов и возражений я не одну свою статью, уже набранную, брал назад и разрывал. То же случалось, например, и с Салтыковым, впрочем только относительно его фельетонов и мелких заметок.

И Некрасов поступал так не только с нами, заурядными соредакторами, но и с соредакторами гораздо более авторитетными и внушительными. Был, например, такой случай. Чернышевский написал и отдал в типографию набрать статью под заголовком: "В изъявление признательности. Письмо к г. З--ну"¹⁴, который в своей статье утверждал, что Чернышевский во всех отношениях выше Добролюбова и был его учителем и руководителем. Это возмутило Чернышевского, и он сильно и резко порицал З--на. Некрасов прочитал корректуру статьи и послал ее Чернышевскому, написав на ней следующие пометки: "1. Н. Г. В замеченных местах есть "фразы, которые можно истолковать тем, что мы вас стесняли, при вашем вступлении в наш журнал, из почтения к авторитетам. Если это и так, то на Панаева рано и неуместно бросать подобную тень, да и мне, признаюсь вам, лично это не нравится. По крайней мере, *Добролюбова я никогда не стеснял* (курсив в оригинале). - 2. Дальше имена Тургенева, Толстого, Анненкова, Боткина производят в этой статье такое впечатление, как будто вы кадите мертвому с намерением задеть кадиллом живых. Ругайте их в каких угодно других статьях, я ни слова не скажу. Вы имели добрую цель; но, во-первых, вы преувеличили опасность, предстоящую памяти Добролюбова оттого, что Зарин поставил вас выше его, а во-вторых, ужасно будет обидно, если пойдут трепать газетчики имя Добролюбова по поводу этой статейки. Поверьте мне, тон "Полемических красот"¹⁵ не идет к строкам, где мы имеем целью защитить любимого и высоко ценимого человека. Скажу вам мое впечатление от этой статьи: в ней героем являетесь вы, а не Добролюбов. Я ничуть не против откровенности, не против заявления личного высокого или низкого мнения о самом себе, когда человеку пришла к тому охота; но охота-то пришла не вовремя, когда мы взялись защищать другого... И вдруг боязно, чтобы кто не подумал, что "мы ценим себя низко", и на эту тему все заключение. Словом, эти прекрасные две страницы, посвященные вами себе, лучше бы поместить во всякую другую

статью. - Однако, я должен сказать, что начал говорить только с целью сказать то, что у меня отмечено цифрой 1. Все же остальное - мое мнение, которое может остаться без последствий. Я только скажу, что, говоря о человеке, которого мы оба так любим, не излишня никакая щепетильнейшая осторожность. Этим извините настоящие строки, если они вам покажутся не заслуживающими внимания". - Вот это типичнейший и яркий образец редакторской самостоятельности, мужества и редакторской тактики Некрасова! Мое мнение, говорит он, такое, а там как хотите. Этому правилу он держался всегда. Мимоходом можно заметить, что Чернышевский отчасти согласился с Некрасовым: место под No 1 он сократил и изменил, сделал значительные сокращения и в других местах, но речь о себе в смысле самоосуждения оставил.

Несмотря на многочисленность новой редакции "Современника", она действовала вполне успешно; литературные дела журнала шли плавно, без запинок и неудач¹⁵. Бывали, конечно, в редакции небольшие семейные раздоры, размолвки, препирательства и пикировки, например, между Салтыковым и мною; но все это оканчивалось мирно, дружелюбно, не оставляя никаких неприятных следов ни в личных, ни в литературных отношениях. Бывали иногда стычки с издательством на почве денежных расчетов; но и они оканчивались мирно, приводили к полюбовному соглашению и к общему удовольствию. - Некрасов довольно часто устраивал редакционные обеды, на которых, кроме членов редакции, приглашались и другие сотрудники, а также и посторонние лица, артисты, музыканты и т. п. Это были живые, веселые, интересные и поучительные обеды. На этих обедах Некрасов, обыкновенно осенью, по возвращении из деревни, читал нам свои новости. Нужно заметить, что лучшие его произведения того времени были задуманы и отчасти обработаны летом в деревне, вдали от столичной суеты, от журнальных и клубных хлопот, забот и развлечений. В его чтении новые его произведения много выигрывали, и мы приходили от них в восторг, и тем легче, что сами в эти минуты находились в прекрасном настроении. Иногда беллетристы и драматурги, например, Островский, читали здесь свои новые произведения. А то какой-нибудь артист сыграет или споет что-нибудь, или актер представит какую-нибудь комическую сценку, или Садовский, в бытность в Петербурге, произнесет рассказ из народного быта, или, наконец, Горбунов представит генерала Дитятина. Словом, это были обеды не, только литературные, но и артистические. На этих же обедах происходили редакционные совещания, обсуждались и частные редакционные и общие литературные, политические и всякие другие вопросы. И здесь я постоянно удивлялся чуткости и восприимчивости Некрасова, его поразительной способности и. умению сразу схватывать всякий предмет, всякую мысль, так сказать, ловить их на лету. Во время этих рассуждений и споров Некрасов, бывало, молчит; но вот кто-нибудь вскользь выскажет дельное замечание или новую, оригинальную мысль, и Некрасов даже подскочит на своем кресле, подхватит эту мысль, дополнит и разовьет ее с таким искусством, что приведет в изумление самого автора мысли. Вот, например, после мастерского и эффектного прочтения одного беллетристического произведения самим автором, все пришли в восторг и единодушно хвалили произведение. На другой день в редакции один соредактор мимоходом заметил, что мысль произведения не совсем ясна. Некрасов подхватил это замечание, развил его и доказывал, что мысль произведения не только туманна, но и фальшива, что его личное впечатление с самого начала было неудовлетворенное, а вот он теперь ясно понимает причину этой неудовлетворенности и т. д. - В другой раз горячо дебатировался вопрос, как объяснить некоторые, по-видимому, странные пункты в первой части романа "Что делать?"; вторая часть еще никому не была известна. Предлагалось несколько остроумных решений; этот же соредактор высказал почти с неуверенностью свою, по-видимому, маловероятную догадку. Но Некрасов ухватился за нее и стал развивать ее столь красиво и убедительно, что его заслушался сам автор догадки. И таких примеров было множество.

Так мы жили и работали мирно и безмятежно, не испытывая никаких особенных бедствий, если не считать маленьких неприятностей с цензурой. А затем мы дождались даже так называемой "свободы печати"¹⁷ и освобождены были от предварительной цензуры за ответственностью редактора и с залогом издателя - что, однако, не очень улучшило наше положение. Некрасов великодушно или предусмотрительно уступил г. Пыпину часть редакторской ответственности, требовавшейся по новому положению о печати. И г. Пыпин имел случай испытать значение этой ответственности. Этот казус Некрасов изобразил в

стихотворении "Суд", в котором героем является не г. Пыпин, а вообще поэт¹⁸. Затем по новому же положению о свободе печати "Современник" получил предостережение - *memento mori*. Но все это были беды относительно небольшие, переносимые, не заставлявшие падать духом ни нас, ни Некрасова. Но вот наступил роковой 1866 год. Общественная атмосфера была страшно наэлектризована; мы упали духом, а Некрасов еще больше. Он сильно боялся, и, трудно сказать, за что: за себя ли лично, или за судьбу своего журнала. В нем, как редакторе, произошло полное превращение: он оставил путь убеждения и товарищеского соглашения, а выпустил редакторские когти и стал показывать редакторскую власть. Для 4-й книжки "Современника" была уже набрана моя статья по поводу вышедшего тогда перекода книги Прудона об *искусстве*¹⁹. В статье я проводил параллель между взглядами на искусство Прудона и Чернышевского и указал, что во многих пунктах они буквально сходятся между собою. Некрасов сразу и категорически объявил, что этой статьи он ни за что не напечатает в таком виде, или напечатает только в том случае, если рассматриваемые в статье взгляды на искусство будут порицаемы и опровергнуты, и для образца таких порицаний он сделал в корректуре несколько вставок. Я, конечно, не согласился на это условие, и статья не была напечатана. Этот инцидент заставил нас, сотрудников, сильно призадуматься и ломать голову над разрешением вопроса, по каким побуждениям и соображениям и с какою целью Некрасов решился показать нам редакторские когти и к чему все это поведет. Дальше - больше; представился новый повод для нашего раздумья. Некрасов написал для напечатания в "Современнике" стихотворение "Негромка моя лира", которого от него не требовал Аполлон в виде священной жертвы и которое он нам прочитал²⁰. На некоторые наши соображения относительно стихотворения он решительно, демонстративно и с какою-то торжественностью заявил, что стихотворение написано им совершенно искренно и выражает настоящие его мысли и душевные убеждения, за исключением одного пункта, и он указал при этом на один чисто метафизический пункт. Это заявление ужасно, как громом, поразило нас своей неожиданностью, и у всех невольно мелькнуло подозрение, что Некрасов переменял свои мысли и убеждения и решился перестроить свою лиру на иной лад, петь другие песни и держаться нового направления. Это опасение скоро оправдалось, по-видимому, и фактически. В один прекрасный день Некрасов объявил нам, что он больше не нуждается в наших услугах и содействии и должен расстаться с нами, что он только для того, чтобы не возвращать подписных денег, доведет журнал до конца года как-нибудь один и без нас, а затем бросит его. При этом он обещал выдать каждому из нас в виде отступного известную сумму денег и скоро действительно исполнил обещание в некоторой части. - Таким образом, мы расстались по-хорошему, не враждебно, но и не дружелюбно, без сожаления и с порядочным осадком горечи в наших чувствах вследствие последних инцидентов. - После этого вскоре разнесся очень достоверный слух о другом новом стихотворении Некрасова, которого тоже не требовал от него Аполлон²¹. Всего более возмутило нас всех в этом стихотворении то, что поэт в конце его взывал к беспощадной строгости, говорил о каком-то большом зле, которое нужно истребить с корнем. Самые снисходительные люди находили, что этот конец был совершенно не нужен. Боже мой, думал я: что бы было с неумолимо и неподкупно строгим Добролюбовым, если бы это случилось при нем и если бы какой-нибудь злой человек сказал ему: вот каков ваш приятель! Он весь сгорел бы от разочарования и негодования. Мы, сотрудники, после этого окончательно решили, что наши сомнения и опасения оправдываются, что Некрасов перестроил лиру и переменял направление. Но все это - и два стихотворения на перестроенной лире, и данная нам отставка - не помогло и не достигло цели, которую, может быть, Некрасов имел в виду: "Современник" был запрещен, на этот раз уже навсегда <...>

Между тем время шло; наши сомнения и опасения относительно Некрасова не оправдались. Он и не думал перестраивать своей лиры на иной лад, но продолжал в прежнем ладе петь песни, столь же сильные и энергичные, столь же звучные и возбуждающие, как и его прежние песни. Таким образом, оказывается, что диссонансовые стихотворения Некрасова не выражали его искренних чувств и убеждений, а были плодом его временного, минутного упадка сил, мимолетного отречения от себя и измены себе шагом, сделанным под гнетом необычайных, ошеломляющих обстоятельств, и, может быть, под влиянием желания спасти свой журнал, чего бы то ни стоило²². Общим итогом и характером своей поэтической деятельности Некрасов вполне искупил как этот свой грех, так и другие свои недостатки. Его огромные заслуги во много крат превышают и покрывают его однократное отречение; всю свою деятельность он заслужил полное всепрощение. В истории мы нередко видим примеры людей выдающихся, с характером вообще твердым и стойким, но подвергающихся временным припадкам отречения, даже неоднократного, что, однако, не умаляло ценности, важности и

благотворности общего итога всей их жизни, и история при своих приговорах и оценках игнорировала и совершенно забывала их временные колебания и отречения.

Таким образом, мы ошиблись относительно Некрасова. Вопреки нашим опасениям, он снова пошел твердым и бодрым шагом по своему прежнему пути. За это честь ему и слава!
<...>

Примечания

С 1859 года, еще не закончив курса Петербургской духовной академии, Максим Алексеевич Антонович (1835--1918) начинает сотрудничать в библиографическом отделе "Современника". С первых же литературных опытов молодого критика Некрасов начинает ценить его полемический талант и с доверием относиться к его мнениям.

После ареста Чернышевского Антонович возглавил литературно-критический отдел "Современника". Но, оставаясь верным идеям Чернышевского и Добролюбова, Антонович значительно уступал своим предшественникам в глубине и принципиальности оценок литературно-общественных явлений, допускал частые тактические просчеты, полемические его выступления нередко приобретали характер мелочных выпадов. Сам Антонович впоследствии признавал, что "Современник" не мог удержаться "на прежней высоте" ("Материалы для характеристики современной русской литературы", СПб. 1869, стр. 29). В свою очередь, попытки Некрасова в обстановке цензурных репрессий в 1866 году спасти "Современник" не встречают сочувствия у Антоновича, вызывают подозрение в том, что Некрасов изменил своей прежней вере и своим убеждениям.

В состав редакционной коллегии "Отечественных записок" Антонович не был приглашен Некрасовым. По-видимому, это решение было принято отчасти и под давлением Совета главного управления по делам печати, требовавшего устранить Антоновича от участия в "Отечественных записках" (см.: Б. Папковский и С. Макашин, Некрасов и литературная политика самодержавия, ЛН, т. 49--50). В 1869 году появляется брошюра М. Антоновича и Ю. Жуковского "Материалы для характеристики современной русской литературы", где авторы, рассчитывая скомпрометировать Некрасова в литературных кругах и в общественном мнении, не гнушаются откровенно демагогическими приемами, а нередко и просто клеветой в отношении редактора "Современника". "Литературное объяснение" Антоновича с Некрасовым полно намеков на вероломство, беспринципность и лицемерие Некрасова по отношению к бывшим сотрудникам, отрицательных суждений о его творчестве.

Естественно, что после такого выступления, образчика "литературного бешенства", по словам Салтыкова-Щедрина, после волны откликов, прокатившейся по страницам многих русских журналов в связи с "обличениями" Некрасова, наконец, после мало обоснованных денежных претензий Антоновича к Некрасову (он обращался с жалобой на него в Литературный фонд) прежние отношения уже не могли наладиться. Для Антоновича же разрыв с Некрасовым, с лучшим из русских журналов, и, по существу, с близкими его убеждениям литературными силами, группирующимися вокруг него, означал закат его так многообещающе начавшейся литературной карьеры.

Со временем Антонович пересмотрел многое в своем отношении к Некрасову. В статье-некрологе "Несколько слов о Николае Алексеевиче Некрасове" ("Слово", 1878, No 2) он уже более положительно оценивает литературную, издательскую и редакторскую деятельность Некрасова, его личность. На основе этой статьи и был создан спустя четверть века его мемуарный очерк "Из воспоминаний о Николае Алексеевиче Некрасове" ("Журнал для всех", 1903, No 2). По сравнению с некрологом, Антонович вводит в текст новые эпизоды, подробности, которые в сочувственном тоне рисуют Некрасова и как "замечательно умного и практичного" редактора, и как оригинальную и яркую личность, полную своеобразного обаяния, человечности и простоты. Прежняя концепция в отношении Некрасова как поэта, по мысли Антоновича, преимущественно "дидактического", "одностороннего" сохраняется и здесь, хотя выступает в более смягченной форме. В основном Антонович в своих мемуарах отказывается от былых предубеждений, раздраженная резкость суждений уступает место более объективному и спокойному взгляду на прошлое. Однако и в воспоминаниях порой проявляется

старая неприязнь к Некрасову. Когда же Антонович опирается на собственные впечатления о встречах с Некрасовым, о времени, которое они провели в совместной работе над изданием "Современника", тогда он рисует индивидуальность поэта объективно и с очевидной симпатией.

Печатается с сокращениями по книге: "Шестидесятые годы", "Academia", М. --Л. 1933, стр. 177--213.

¹ Стр. 164. Имеется в виду "Литературное объяснение о Н. А. Некрасовым", опубликованное в "Материалах для характеристики современной русской литературы", СПб. 1869; 2-я часть "Материалов" принадлежит Ю. Г. Жуковскому.

² Стр. 165. Это суждение ошибочно. Чернышевский защитил магистерскую диссертацию в 1855 г. В звании магистра он был утвержден лишь в 1858 г.

³ Стр. 166. Цитата из письма Добролюбова Чернышевскому от 12 (24) июня 1861 г. Добролюбов имеет здесь в виду письмо Некрасова к нему от 25 мая 1861 г. с жалобой на сильное недомогание и душевную депрессию: "Вею нынешнюю весну я болен, месяца полтора тому назад закашлял да и пошел. Перспектива долгого хворания гаже смерти, а, кажется, она мне угрожает... Скверно" (X, 451--452).

⁴ Стр. 166. Антонович повторяет распространенное в кругу либеральных сотрудников "Современника" мнение о несамостоятельности Некрасова, о том, что он в руководстве журналом, в определении его "направления" всецело подчинился Чернышевскому и Добролюбову.

⁵ Стр. 167. Антонович повторяет версию Тургенева, заявившего в письме к издателю "Северной пчелы" (1862, No 334), что инициатива разрыва с Некрасовым и редакцией "Современника" принадлежит ему. Однако с "заискивающими письмами" Некрасов к Тургеневу не обращался. 15 января он писал Тургеневу: "... я тут не виноват; поставь себя на мое место, ты увидишь, что с такими людьми, как Чернышевский и Добролюбов... сам бы ты так же действовал, то есть давал бы им свободу высказываться на их собственный страх" (X, 441--442). В письме к издателю "Северной пчелы" Тургенев придал огласке слова Некрасова из этого же письма от 15 января 1861 г.: "... ты мне в последнее время несколько ночей снился во сне" (X, 442).

⁶ Стр. 168. "Свисток" - сатирическое приложение к "Современнику". В апрельской книжке "Современника" за 1863 г. ("Свисток", No 9) были опубликованы два фельетона Антоновича. В традициях Добролюбова был написан им фельетон "Свисток" и его время", пародирующий стиль тяжеловесных "ученых", "серьезных" трудов, публикуемых в толстых журналах. Апрельский выпуск "Свистка" оказался последним, издание "Свистка" прекратилось.

⁷ Стр. 170. Добролюбов вернулся в Петербург в августе 1861 г. В ночь с 16 на 17 ноября он скончался.

⁸ Стр. 170. Чернышевский был арестован 7 июля 1862 г.

⁹ Стр. 170. Антонович повторяет клеветнические измышления о Некрасове, опровергаемые фактами отношения поэта к ссыльному Чернышевскому, его семье. Некрасов был один из немногих, кто добивался возможности видаться с Чернышевским, чтобы проститься с ним накануне его отправления в ссылку.

¹⁰ Стр. 170. "Очерки" - ежедневная политическая и литературная газета демократического направления, в которой сотрудничал Антонович, выходила в Петербурге с 11 января по 8 апреля 1863 г. (в двух изданиях: утреннем и вечернем). Издатель "Очерков" - А. Н. Очкин, редактор - Г. З. Елисеев.

¹¹ Стр. 171. Неточность Антоновича. "Век" не газета, а еженедельный общественно-политический и литературный журнал (1861--1862). С 18 февраля 1862 г. редактором его был Г. З. Елисеев. 29 апреля 1862 г. журнал прекратил существование.

¹² Стр. 173. Письмо Некрасова от конца марта - 2 апреля 1864 г. (XI, 31).

¹³ Стр. 173. Некрасов в письме к Я. П. Полонскому мотивировал свой отказ печатать его драму материальными соображениями: "... денег у нас очень мало. Заплатить Вам дешево не могу, да Вы и не возьмете; дать много не из чего. Поэтому пристройте Вашу вещь в другой журнал" (XI, 31).

¹⁴ Стр. 174. Статья Чернышевского "В изъявление признательности. Письмо г. 3-ну" (С, 1862, No 2) - резкая отповедь Е. Ф. Зарину, автору статьи "Небывалые люди" (*БДЧ*, 1862, No 1, 2), где содержался недоброжелательный отзыв о литературно-критической деятельности Добролюбова. Чернышевский воспринял статью как оскорбление памяти Добролюбова. Замечания Некрасова, сделанные им при чтении корректуры, действительно были учтены Чернышевским, и статья была им сокращена и исправлена.

¹⁵ Стр. 175. "Полемические красоты" - статья Чернышевского (С, 1861, NoNo 6 и 7), написанная в ответ на выпады против "Современника", вызванные расколом в журнале и уходом из него Тургенева.

¹⁶ Стр. 175. В действительности, в редакция "Современника" такого единства в последние годы его существования не было. См. стр. 224--229.

¹⁷ Стр. 177. В сентябре 1865 г. вступил в силу новый закон о печати, который давал право издавать "все выходящие донныне в свет повременные издания" без предварительной цензуры под ответственность издателей и редакторов. В числе административных взысканий были и предостережения журналам; после третьего предостережения журнал подлежал закрытию.

¹⁸ Стр. 177. В июле 1866 г. А. Н. Пыпин как соредактор "Современника" был привлечен к судебной ответственности за публикацию статьи Ю. Ф. Жуковского "Вопрос молодого поколения" (С, 1866, NoNo 2, 3). Автор статьи обвинялся в "оскорблении чести и достоинства всего дворянского землевладельческого сословия". Некрасов предлагал Пыпину разделить с ним всю ответственность за публикацию, статьи (XI, 76). Пыпин и Жуковский были приговорены к штрафу по 100 рублей и трехнедельному аресту на гауптвахте. "Суд (Современная повесть)" написан Некрасовым в 1867 г. отчасти под впечатлением этого судебного процесса.

¹⁹ Стр. 177. Книга Прудона, о которой идет речь, появилась в русском переводе в 1865 г. под редакцией и с предисловием Н. Курочкина (П. -Ж. Прудон, Искусство, его основания и общественное назначение, СПб. 1865). И. Курочкин писал в предисловии к книге, имея в виду резкую критику Прудоном "чистого искусства": "Для нас, русских, в этом взгляде многое не ново. Вся деятельность Белинского была светлым предчувствием этого взгляда... Автор "Эстетических отношений искусства к действительности" и покойный Добролюбов были его разъяснителями и продолжателями; традиции этого взгляда существуют и теперь" (там же, стр. II-- III). Антонович высказывает аналогичные соображения, однако сходство эстетических концепций Чернышевского и Прудона чрезмерно им преувеличивается.

²⁰ Стр. 178. Антонович иронически использует текст стихотворения Пушкина "Поэт" ("Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон"). Речь идет о стихотворении Некрасова "Осипу Ивановичу Комиссарову" ("Не громка моя лира"...), "спасителю" Александра II при покушении на него Каракозова в апреле 1866 г. Стихотворение написано, видимо, из тактических соображений в надежде отвести удар от "Современника" в обстановке жесточайшего правительственного террора.

²¹ Стр. 178. 16 апреля 1866 г. Некрасов на торжественном обеде в том же Английском клубе в честь М. Н. Муравьева-Виленского прочел свое стихотворение, посвященное ему. Текст стихотворения неизвестен, А. И. Дельвиг вспоминал: "После обеда, когда Муравьев сидел со

мною и другими членами в галерее при входе в столовую залу, к нему подошел издатель журнала "Современник", известный поэт Некрасов, об убеждениях которого правительство имело очень дурное мнение. Некрасов сказал Муравьеву, что он написал к нему послание в стихах, и просил позволения его прочитать. По прочтении он просил Муравьева о позволении напечатать это стихотворение. Муравьев отвечал, что, по его мнению, напечатание стихотворения "было бы бесполезно, но так как оно составляет собственность Некрасова, то последний может располагать им по своему усмотрению. Эта крайне неловкая и неуместная выходка Некрасова очень не понравилась большей части членов клуба" (А. И. Дельвиг, Полвека русской жизни, т. 2, "Academia", М. - Л. 1930, стр. 295).

Поступок Некрасова вызвал резко отрицательную реакцию "Колокола", демократических кругов России. Душевное состояние Некрасова, сознание опрометчивости совершенного поступка нашло отражение в стихотворениях: "Ликует враг, молчит в недоуменье...", "Умру я скоро. Жалкое наследстве..." и др.

²² Стр. 479. В 1865 г. министром внутренних дел П. А. Валуевым было объявлено журналу два предостережения: первое - 10 ноября, второе - 4 декабря. Участь журнала была предрешена: третье предостережение означало бы его окончательное закрытие.